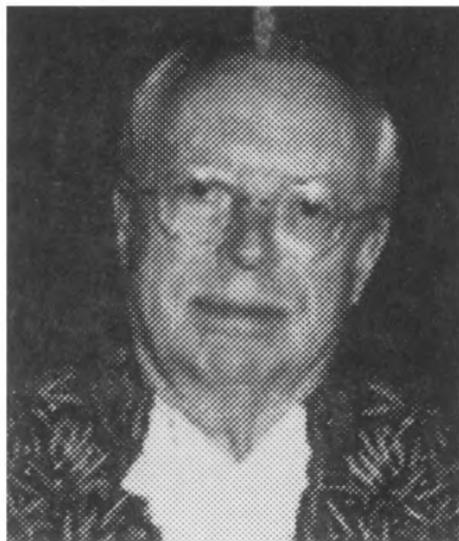


Ален БЕЗАНСОН

КОММУНИЗМ **НАЦИЗМ**
ХОЛОКОСТ



Ален
БЕЗАНСОН

HONORIS
CAUSA

Почетный доктор
РГГУ

РОССИЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ



А л е н Б Е З А Н С О Н

КОММУНИЗМ,

НАЦИЗМ,

ХОЛОКОСТ

ББК 63.3(0)6
Б39

Перевод с французского А.К. Приходько

В ОСНОВЕ МОИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ

лежит один из многочисленных скандалов, связанных с искажением исторической памяти в XX веке. Контраст между амнезией (и практической амнистией) коммунизма и гиперамнезией нацизма (приставка “гипер” понимается здесь не в том значении, о котором чаще всего вспоминают, а в том, что она в какой-то степени придает обратное значение амнезии коммунизма) был взят за основу моего выступления в октябре 1997 года на торжественном собрании по поводу возобновления работы после каникул в Институте Франции. Мое выступление затем обсуждалось во французском журнале “Комментарий”, в еврейском американском журнале “Комментарий”, в российской газете “Русская мысль”, а также понемногу в других средствах массовой информации.

Однако мне показалось, что данный вопрос необходимо рассмотреть более тщательно, и поэтому я написал книгу, которая стала предметом споров, зачастую страстных, искренних (например на юридическом факультете в Сорбонне), и которая переводится или будет переводиться на различные языки, в том числе и на русский, и вы сможете, если вас это интересует, дать ей свою оценку.

Перспективы развития данного вопроса, которые я вижу, являются однозначно компаративистскими, именно это в некоторой степени и породило атмосферу скандала. Но ни в коем случае эти перспективы не могут быть идентификационными. “Гетерозиготные близнецы”, которыми являются коммунизм и нацизм, отличались друг от друга, они имели различную историю и были врагами по отношению друг к другу. Тем не менее я рассматриваю их как две субстанции одного жанра – жанра идеологического. Под идеологией я понимаю доктрину, которая обещает посредством конверсии временное благо, соответствующее некоему кос-

мическому порядку, понимаемому наукой в своем развитии, и предполагает политическую практику, направленную на радикальное изменение общества. Обе эти субстанции, или движения, стремятся создать совершенное общество, уничтожив принцип зла, который и является препятствием на пути к такому обществу. Они претендуют на то, чтобы быть филантропическими, ибо желают блага для всего человечества или той части человечества, которую еще можно спасти, и достижение этого идеала требует от людей беззаветной преданности своему благодетелю и героических жертв. В конечном счете, и это является особенно важным, оба движения присвоили себе право и даже необходимость убивать и использовали его, применяя сходные методы, с тем размахом, которого история еще не знала.

Таким образом, мы приходим к неизбежности того, что в определенный момент исследования приходится сталкиваться с вопросом холокоста. В какой степени при колоссальных убийствах XX столетия он может оставаться в стороне? Надо ли его рассматривать как могилу среди других могил на всеобщем кладбище? Если нет, то почему? Едва поставив этот вопрос, мы замечаем, что ушли от первоначальных намерений. Мы начали с обыкновенного политического и исторического анализа, а свели все к метафизике или, скорее, к религии. Сама тема требует от нас священного реверанса. И тогда мы обращаемся к истории религии, сначала иудейской, а затем и христианской.

Такое осознание не было внезапным. Оно связано с расширением границ истории иудейского народа. Термин "еврейство" (иудейство) объединял в себе и религию, и народ, и землю (Израиль). Религия за евреями была почти признана, но эмансипация не позволила им превратиться в народ, так как растворила народ в современном понятии гражданства. При отсутствии или половинчатой эмансипации еврейский народ оказывался с точки зрения конкретной нации нежелательной этнической группой и испытывал на себе всю тяжесть последствий этого. Таким образом, в 1948 году еврей-

ский народ оформился в рамках национального государства, преимущественно светского и обладающего суверенитетом, который оно потеряло после вавилонского пленения. Другая важная дата: 1960 год, громкий процесс Эйхмана, который стал центральным событием холокоста, определяя при этом его границы и создавая основу легитимности.

Последовательное разоблачение преступлений коммунизма неизбежно привело к его сравнению с нацизмом. Эти преступления были всем известны, однако официально о них не заявлялось, за исключением частичных признаний Хрущевым в 1956 году. И с этих пор стало трудно их отрицать. Роман “Архипелаг ГУЛАГ“, опубликованный Солженицыным в 1974 году, закрыл двери потайных ходов для лжи. Таким образом, в середине 60-х годов было предъявлено обвинение одновременно двум страшнейшим явлениям века – нацизму и коммунизму. Это тема моих дальнейших рассуждений.

Сначала я буду рассматривать этот вопрос только с точки зрения разрушения. Разрушение является понятием физическим – живых людей превратили в трупы. Но и понятием моральным – честные и разумные люди стали преступниками, сумасшедшими, умственно отсталыми. А также понятием политическим – общество уничтожило естественную форму своего существования и заключило себя в рамки идеологической модели. Затем я буду исследовать его с точки зрения философии и теологии. И в заключение я проанализирую работу памяти и дам определение той единственной области, где исключительность холокоста имеет смысл.

Я не буду подробно останавливаться на вопросе физического уничтожения, так как факты всем известны, и примерное (всего лишь примерное) количество смертей зафиксировано.

Согласно Раулю Гильбергу – автору чрезвычайно скрупулезной документальной работы “Уничтожение европейских евреев” – это уничтожение происходило в пять этапов: экспроприация, концентрация, мобильные операции по убийству, депортация, лагеря для массового уничтоже-

ния. Следуя данному сценарию, можно констатировать, что для коммунистического способа уничтожения людей характерны первые четыре этапа, хотя и с некоторыми вариациями, вытекающими из природы и задач коммунизма. Коммунизм опустил пятый этап – убийство на индустриальной основе, не оставляющее никакого шанса. Однако он добавил два других способа уничтожения, в которых нацизм не нуждался: юридическое оформление убийства и голод.

Экспроприация является первой мерой коммунистического режима по самому его определению. В одночасье люди становились лишь собственниками своей одежды и движимого имущества. В коммунистических странах всегда были “богатые” – в качестве “нелегальных” собственников или в качестве привилегированных собственников, благодаря их месту в системе, которая и обеспечивала им все “блага”. Право, связанное с частной собственностью, мгновенно исчезало.

Что касается концентрации, то есть определения местонахождения врагов, то этот этап несколько различается. Нацизм рассматривал евреев в их физическом состоянии, как индивидуальный источник инфекции, который необходимо уничтожить в ходе специальной операции. Перед коммунизмом стояла более широкая задача, контуры которой не были четко очерчены. Он должен был уничтожить “врагов социализма”, “врагов народа”, которые могли прятаться и в пролетариате, и даже в самой партии. Именно поэтому полицейские органы оказались здесь более многочисленными и развитыми, чем у нацистов. Двух лет хватило, чтобы уничтожить три пятых “намеченного количества” людей. Однако начиная с 1917 года и до последнего своего дня советские органы были вынуждены хранить и сортировать личные дела, фильтровать и заново перефильтровывать все население.

Мобильные операции по убийству (аналогичные известным нацистским операциям Айнзацгруппен) осуществлялись спорадически на всей территории коммунистического влияния. Они широко использовались в самом начале

русской революции, многократно в Китае и особенно активно в Камбодже, где количество потерпевших до сих пор уточняется.

Депортация в трудовые лагеря была изобретена и систематизирована коммунистическим режимом. Депортация и коммунизм — понятия неделимые. Нацизм в данном случае только имитировал коммунизм. Разнообразие лагерей и депортаций при коммунистическом режиме значительно шире, чем при нацизме. В некоторых лагерях, где этому способствовали еще и климат, и долговечность системы, смертность достигала уровня планомерного уничтожения людей в определенных лагерях Колымы, но все-таки не немедленного истребления, такого, как в Трешлинке. От того, что известно о лагерях Северной Кореи, волосы встают дыбом. И в настоящее время все это еще имеет место быть.

Две процедуры умерщвления людей являются чисто коммунистическими: юридическое оформление убийства и голод.

При нацизме не было необходимости в юридической практике по отношению к евреям, поскольку, по мнению нацистов, они не принадлежали к человеческой расе. Юридическая практика применялась лишь по отношению к сопротивленцам и оппозиционерам после проверки, пусть и поверхностной, но основанной на реальных фактах. При коммунизме же она применялась очень широко. Однако в период великого террора арестованные были абсолютно чуждым элементом. От них необходимо было получить признание, и его добивались различными способами, самым распространенным из них была обыкновенная пытка. Этим объясняется тот мучительный страх, которым было охвачено все население, даже те, кто смирился с ситуацией, и те, кто искренне верил в коммунизм.

Что касается голода, то здесь можно выделить голод “соматический”, являющийся последствием экономического абсурда при коммунизме, и голод “систематический” как осознанное средство для уничтожения населения. Таким об-

разом, если взять только один пример — голод на Украине, то выясняется, что Украина неоднократно переживала “соматический” голод, а в 1932–1933 гг. — голод “систематический”, целью которого было уничтожение украинского народа. Выбранный как средство для достижения поставленной цели, голод стал самой убийственной процедурой в коммунистическом процессе уничтожения людей. *Черная Книга коммунизма* приводит данные, что из 90 миллионов смертей, возможно, больше половины произошли по причине голода.

Еще два замечания по этому поводу: число евреев, уничтоженных нацизмом, известно, причем число это постоянно увеличивается благодаря поисковой деятельности и скрупулезности самих евреев. Погрешности в установлении количества людей, уничтоженных коммунизмом, составляют примерно десятки миллионов. Это объясняется не только исторической амнезией, но также и тем, что проведение расследований до сих пор еще невозможно или, по крайней мере, трудно доступно на большей части бывшей коммунистической территории и в конечном счете в результате общей амнистии. Это также объясняется тем, что нацизм действует с помощью категорий определенных и последовательных, а действия коммунизма неопределенны, одновременны и случайны.

Способ предания смерти не имеет строгих критериев. Никто не может знать, что испытывал ребенок, вдыхая газ “циклон В” или умирая от голода в украинской избе. Поскольку людей убивали вне всякого правосудия, необходимо признать, что смерть их ужасна еще и в том смысле, что все они были невинны.

За физическим уничтожением стоит уничтожение другого уровня, возможно, наносящее еще больший ущерб, нейтрализовать который гораздо сложнее, — уничтожение интеллекта и души.

Можно определить генеалогию интеллекта двух основных идеологических форм, завладевших человечеством. Коммунизм выдавал себя за наследника тех традиций, которые име-

ли отношение к демократии, к эпохе Просвещения, к Гегелю. Нацизм реферировал к греческой трагедии, к Ницше, и к тому же Гегелю. И тот и другой выдвигали своим гарантом Дарвина. Им верить нельзя. По результатам реальной работы интеллекта коммунистов и нацистов можно увидеть, что они руководствовались некоей системой понимания мировой цивилизации, для которой характерна чрезвычайная примитивность. Начинается двойственная война между “классами” и “расами”, определение этой войны дается только самой системой и имеет смысл исключительно в самой системе. Это нелепая чушь. Нельзя сохранить интеллект в рамках идеологии. Нацизм соблазнил несколько выдающихся умов – Хайдеггера, Карла Шмита. Однако они присоединились к нему по националистическим и философским взглядам, чуждым доктрине. Марксизм-ленинизм смог рекрутировать лишь умы так называемого второго уровня, которые, влившись в него, вскоре лишились последних способностей. Фанатическое инвестирование борцов за идею в систему, искажение реальности, способность бесконечно спорить со своим собеседником, уверенность в своей рациональности привели к тому, что психиатры называют шизофренией или паранойей. Однако все это – метафорические замечания. На самом деле это безумие искусственно и поэтому обратимо. Из него выйдут внезапно, как из сна. Но когда борец просыпается, его голова пуста, и его необходимо заново обучать жизни и прививать ему новые навыки. Германия, которая была европейскими Афинами, вышла отупевшей из всего лишь десятилетнего периода господства нацизма. Что же сказать о России?

Эта заразная несуразность является основой всей картины и условием морального уничтожения. Подобное расстройство индивидуального и общественного сознания возможно лишь в том случае, если отношение к реальности было заранее перевернуто. Я называю это расстройство фальсификацией добра.

Существует исключительно нацистское понимание фальсификации добра. Гиммлер произносил речи перед ог-

раниченным составом СС. Это были речи заботливого руководителя. Он признавал сложность выполнения некоторых задач, таких, как, например, ликвидация еврейских детей. Однако, говорил он, существует необходимость выполнять их во благо рейха и даже во благо человечества, которое должно быть избавлено от еврейской чумы, прежде чем будет избавлено от чумы христианской. Эта задача должна быть выполнена спокойно, виртуозно, без ненужного садизма. Нацистская мораль предусматривала порядок, определенный самой природой. Однако этот природный порядок, естественная иерархия рас, не соблюдался, он полностью подчинялся идеологии. Полюс добра был представлен белой расой, полюс зла – еврейской нацией. Между ними – славяне и др. Подобная этика является открытым отрицанием моральных традиций всего человечества. На самом деле она претендует на то, чтобы стать эстетикой – весь этот опьяняющий китч, нюрнбергские мизансцены, величие грубой силы. Ее порочность очевидна. Подобная этика не является универсальной, она не заразна: так называемые низшие расы не могут ее разделять. Ее программа – уничтожение человечества по иерархической лестнице – держалась в секрете, который был одним из самых охраняемых в рейхе. В конце концов не так много людей были сознательно вовлечены в практику уничтожения. Бóльшей части населения Германии, продолжающего жить в обществе, хранящем традиции естественной морали, даже перед лицом неоспоримых фактов было нелегко поверить в реальность того, что от него скрывали. Даже сами евреи, которые прошли через экспроприацию и депортацию, уже подходя к газовым камерам, все еще не верили в реальность происходящего.

Нацизм старается представить себя артистичным, коммунизм – добродетельным. Нравственный импульс поддерживает всю историю большевизма, и его победа всегда рассматривается как победа добра. Коммунизм также ориентируется на будущее, а не на примитивный порядок. Он стремится породниться с великой целью просветителей –

прогрессом. Этот прогресс является одновременно и естественным и историческим, и вместе с тем драматичным, поскольку проходит через неизбежные уничтожения. Мы видим фрагменты гегельянского пантрагизма и сурового социального дарвинизма. Это скрытая область взаимопонимания между нацизмом и коммунизмом: “Лес рубят, щепки летят”. В конечном счете коммунизм должен был возродить мир в добре, а нацизм — в красоте.

Это возрождение распространялось на человеческую волю, освященную идеологией. Люди, которые осознали смысл эволюции, объединялись в партию. К достижению конечной цели, которую ставил перед собой революционер, вела совокупность всех средств, а уничтожение старого порядка представлялось как естественным, так и исторически необходимым, своего рода искупительной жертвой, благодаря которой происходит обновление. По формуле Бакунина: моральная сила разрушения приравнивалась к силе созидания.

Следовательно, коммунистическая этика так же революционна, как и мораль нацизма. Русские народники, например Чернышевский, прекрасно это осознавали. Однако этот нравственный разрыв понимался не всеми как внутри революционного движения, так и вне его. Революционеры на самом деле пользовались терминологией старой морали: правосудие, равенство, свобода, великодушие и т. д. Просто они употребляли эти слова для достижения единственной цели — построения коммунизма. С точки зрения коммунистической идеи эти слова по отношению к старым выступают как омонимы.

Я называю естественной или общей моралью ту мораль, на которую опираются мудрецы античности, Китая и всего мира. В Библии эта мораль обобщается во второй книге заповедей Моисея. Этика коммунизма фронтально ей противопоставляется, причем совершенно сознательно. Она открыто противоречит заповедям: почитай отца своего и мать свою, не убий, не укради, не лжесвидетельствуй, не возжелай блага ближнего своего. Нет необходимости ве-

рить в Бога, чтобы согласиться с сутью этих наставлений. Большая часть человечества полагает, что эти наставления соответствуют тому, что им известно о построении Вселенной. Однако коммунизм подразумевает другую Вселенную и вносит туда свою собственную мораль. Поэтому он отвергает все основы, отвергает естественный мир во имя чего-то сверхъестественного, чего нет в природе, и во имя истории, основанной на лжи.

И заканчивая проводить параллель между нацизмом и коммунизмом, я хочу напомнить слова моего учителя Раймонда Арона, который отдавал себе отчет в том, что представляют собой эти два направления, но говорил, что при этом у них были разные намерения. Они не реализовались до конца, однако можно сказать, что у коммунистов они были великими, у нацистов — полностью дьявольскими.

Я в этом не уверен. Я не могу решить, что хуже — уничтожать псевдорасы или псевдоклассы. Коммунистическая фальсификация добра более глубокая, потому что в своих недрах преступления коммунистов в большей степени сопоставимы с добром, чем преступления нацистов. Это позволяет коммунизму более широко распространяться и затрагивать простодушные сердца. Возможно, что превращать хороших людей в плохих является еще более дьявольским предприятием, чем делать хуже людей, уже испорченных. Ложь, сопровождающая преступление, делает коммунизм более соблазнительным и опасным.

Коммунизм является более соблазнительным еще и потому, что присваивает наследие очень древнего идеала, который разделяли многие честные люди, — они кстати, могут еще некоторое время оставаться честными людьми и после вступления в партию, как бы получая отсрочку от морального разложения. Он является более опасным и потому, что его будущие жертвы невозможно предвидеть. Нацизм заранее указывал на своих врагов. Коммунистическая универсальность приводила к тому, что после захвата власти коммунистами угроза становилась всеобщей: она не относится к

категории человеческой природы, так как каждый может быть обвинен в том, что он враг народа и пособник капитализма. Никто не был защищен от подозрений. По мере того как утопия обнаруживала свою несостоятельность, проклятия распространялись на все население и даже на саму партию. Кроме того, у коммунизма было достаточно времени. В отличие от нацизма он создавал целую систему перевоспитания людей в духе новой морали и доброты своих целей. В течение семидесяти лет русские от первоначальной веры в него перешли к полному подчинению ему уже без веры, продолжая говорить на коммунистическом языке и наблюдая на самих себе следы воздействия этой обязательной шизофрении. Подобная калечащая педагогика, замкнутость идеологии расценивались Солженицыным как нечто, что хуже голода, хуже ГУЛАГа. *Хомо советикус* оказался в еще худшем состоянии, чем немцы после того, как в Германии закончился нацистский кошмар. Кроме того, преступления нацизма осуждены в своей основе, а в результате морального помутнения, о котором я говорил, коммунизм никогда не был осужден даже в своих намерениях. Тем более что каждый новый коммунистический эксперимент в Китае, во Вьетнаме, на Кубе начинался с благими намерениями.

Рассмотрев вопросы уничтожения человека во плоти, уничтожения его природы и морали, необходимо перейти к анализу политической природы коммунизма.

Прежде чем прийти к власти, и коммунистическая и нацистская партии вели политическую игру, тогда как сами они согласно их внутренней партийной дисциплине ставили себя вне игры. Придя к власти, они приступили к уничтожению политики, принуждая все естественные социальные группы, классы, партии, церкви, синдикаты, университеты и т. д. стать искусственными учреждениями, предназначенными исключительно для обслуживания самих себя. Все то, что составляло политическую игру, сосредотачивалось в руках правящих органов партии. Но даже столь бурная деятельность руководящего центра не может рассматриваться как

целенаправленная политика, поскольку деятельность эта ведется для того, чтобы реализовать утопию. Временное пространство между искаженным прошлым, в том виде, как его описывает доктрина, и идеальным будущим не имеет никакой ценности. Ближайшее прошлое является врагом, настоящего не существует, все подчинено эсхатологическому будущему, недостижимым конечным целям. Поэтому конечные цели нацизма, так же, как и коммунизма, теоретически не имеют границ, поскольку речь идет о том, что для ликвидации очага зла на земле необходимо поступательно уничтожать слой за слоем все человечество, потому что даже арийская раса оказывается смешанной, нечистокровной, с примесью еврейской крови. Целью коммунизма был сразу весь мир. Однако сущность капитализма, живущая в людях, оказалась неискоренимой, и после всех терроров вне подозрения остался только глава партии. Сталин разрушил партию в 30-е годы, Мао делал это два раза: во время “великого скачка вперед” и в эпоху “культурной революции”.

И тем не менее подобная безупречная логика двух систем, которая должна была привести к небытию всего сущего, не может применяться до самого конца. Принцип коммунизма заключается в том, чтобы все подчинить захвату и сохранению власти. Но для того чтобы сохранить власть, надо сбегать то, что необходимо для ее существования. Чтобы уметь противостоять реальному миру, нужна реальная сила, а ее можно взять только в той действительности, которую власть контролирует. Ей нужен минимум сельского хозяйства, технологий, индустрии, а, следовательно, производителей, технических работников, ученых. Нельзя перенести из зазеркалья то, что там находится, не оказавшись при этом в небытии. А в результате система начинает ослаблять свои позиции, сохранение власти отождествляется с сохранением постов, мест, материальных выгод, которые они предоставляют. Народ теряет веру в режим, который не может предложить ему в утешение даже крах власти имущих и возможность занять их места. И тогда случайным движением руки

разрушается карточный домик и возникает тот посткоммунистический пейзаж, который вам всем хорошо знаком. В настоящее время остается единственный коммунистический режим в чистом виде, все еще предпочитающий логику самовымирания, — режим Северной Кореи.

А теперь, если мы хотим говорить о человеческом опыте, перейдем на язык богословов. Мы вынуждены сделать это, потому что большинство выдающихся свидетелей XX века, сталкиваясь с беззаконием или абсурдом на земле, простирали руки к небу. Одни делали вывод, что там пусто, другие находили возможность молиться. Можно заметить, что эти две религиозные точки зрения каким-то образом уживаются или искажаются.

То, что вызывает ужас, — не столько само зло, сколько абсурдное желание зла. Люди становятся ворами или убийцами во имя материального блага. Однако те, кто жил при коммунизме или нацизме, не понимали, какое материальное благо искали те, кто заставлял их страдать и умирать. Зачем тратить деньги, мобилизовывать людей, отправлять их на какой-нибудь чердак в поисках еврейской девочки для того, чтобы ее убить? Зачем при отсутствии какого-либо сопротивления арестовывать миллионы людей, заставлять их признаваться в немыслимых преступлениях, собирать народ, чтобы разыгрывать перед ним комедию негодования, и заставлять его участвовать в казнях? Но особенно необъяснимым казалось то, что эти нелепые преступления совершались самыми обыкновенными людьми, в достаточной степени образованными и в достаточной степени нравственными. Жертвы более не объединяло понимание низости, на которую способен человек. Теперь, чтобы понять это, надо было идти вглубь самой системы. Но даже бредовая рациональность системы шла вразрез с ее саморазрушающими действиями, которые совершались вопреки ее интересам.

Свидетелей и жертв поражал контраст между банальностью преступников и грандиозностью преступления, между

неспособностью системы решить жизненно важные вопросы и ее замечательной эффективностью в области разрушения и контроля за всем и за всеми. Кому принадлежит власть при нацистском и коммунистическом режимах? Этот простой вопрос, на который было так легко ответить, так как фюрер, генеральный секретарь и партия были на виду, оставался загадкой для тех, кто был способен к философскому мышлению. У всех, у верующих и неверующих, у Орвелла, Раушнинга, Юнгера, Мандельштама, Ахматовой, Милоша, Герберта, Александра Вата ответ был один: власть принадлежит дьяволу. Я не знаю, что они под этим подразумевали, возможно, и они тоже этого не знали. Но было бы несправедливо по отношению к историческим свидетельствам не упомянуть этот персонаж.

Ничто лучше не свидетельствует о библейском следе в коммунизме и нацизме, как их общее желание “спасти” мир, включая стремление уничтожить Библию. Это желание зависит не от божественной милости, а от человеческой воли. Можно говорить о коллективизированном и политизированном пелагионизме. Две противоположные доктрины, одна оптимистическая – коммунизм, другая пессимистическая – нацизм, разделяют идею всеобщего спасения, идею библейскую, которая противостоит отсутствию историзма у античных философов и у мусульман. В немецком национализме возвеличивание Германии и немецкого народа принимает или имитирует форму избранности еврейского народа. Эта избранность ничем не обязана провидению, она является продуктом природы и истории и означает, что немецкий народ получил языческое наследие, которое передается через преемственность народов. Это старая идея, о ней писали еще Гегель и Арнак, и именно она овладела безумными и низкими душами нацистских руководителей. Избранная немецкая раса очищает немецкую землю, подобно тому как Израиль очистил землю Ханаана. Это первый этап спасения. Вторым этапом будет уничтожение христианства, подвергнутого еврейскому влиянию, которое возводит до предела еврейскую подлость и вырождение демократии.

Если нацизм является карикатурой на Ветхий Завет, то коммунизм одновременно представляет собой карикатуру и на Ветхий и на Новый Заветы. Он привлекает евреев, уставших от бремени Торы, мессианской надеждой окончательного освобождения, заканчивающегося эмансипацией и секуляризацией. Он привлекает христиан, давая им вместо веры, сильно поколебленной просветителями, “научно” обоснованную уверенность, а также возможность слиться с гуманитарным и социалистическим течением, которое уже в течение целого столетия претендует на нечто большее, чем христианство с его любовью к ближнему.

Это не может не разбудить в христианах забытые еретические идеи, которые в новом контексте обретают вторую молодость. Три еретических суждения: гностицизм, т. е. общее видение мира как находящегося между добром и злом, которое вычлениют и разделяют посвященные в истинное знание, цель которого всегда сводится к тому, чтобы вселить в умы спасительные знания; марсианизм — подраздел гностицизма, выделяющий Бога Ветхого Завета, Бога создателя, судию и злодея и Бога Иисуса, Бога Спасителя, несущего возвышенную мораль чистой любви (в одночасье евреи становятся отображением отрицательного мира, канувшего в прошлое); миллениаризм — ожидание радикальной перемены в истории и политическая воля овладеть этим событием. Таким образом, нацизм и коммунизм не довольствуются лишь преследованием религии, они ее извращают. Они ненавидят бога Авраама, преследуют сначала евреев, а затем христиан, или сначала христиан, а затем евреев. Однако делают они это с объективной богословской последовательностью, не отдавая себе в том отчета.

Далее я хотел бы провести параллель между работой исторической памяти коммунизма и нацизма, рассматривая ее в основном с религиозной точки зрения. Я остановлюсь на таком явлении, как паганизм, понимая под ним то, что не относится к библейской сути — иудаизму и христианству.

Нехристианские народы, например китайцы, рассматривают коммунистическую катастрофу как что-то вроде метеорологической катастрофы. Космический порядок и гармония были сильно взбудоражены, и моментально воцарился хаос. Как только космический порядок восстановится, социальная материя начнет выздоравливать на биологическом уровне и восстановленная динамика жизни сделает излишней работу памяти. Это – уже забвение.

Подобное забвение охватило тех христиан, чье вероотступничество и привело к катастрофе. Однако необходимо различать два вида забвения. Первый – добродетельный, который коренится в вере. Христиане знают, что они грешники. Они знают, что первородный грех и личный грех существуют в их жизни с самого начала до сегодняшнего дня. Они знают, что грешат от креста Христова, т. е. с того момента, когда все люди сотворили грех, предав смерти Невинного, Глас Божий, воплощенный им самим. И что тем не менее именно этим крестом они были прощены, хотя продолжали грешить всегда. Этот христианский тип фамильярности с добром и злом объясняет тот факт, что христиане менее удивлены друг другом и всегда готовы согрешить и получить прощение. В этом случае за прощением добродетельно следует забвение.

Второй вид забвения не является добродетельным. В принципе прощение чего-либо стоит только тогда, когда оно просится у Бога и у жертвы, если вина признается и просьба о прощении сформулирована. Если эти два условия не выполняются, одностороннее прощение может быть приравненным к нулю и стать еще одним грехом. Не похожая ни на что амнистия, которую получили преступления коммунизма, на мой взгляд, отражает этот второй вид забвения. Это – забвение правосудия и его преступлений. При коммунизме было больше мучеников от религии, чем в какую-либо иную эпоху, но какого-либо стремления составить их список не наблюдается.

Все, что я сказал выше, в равной степени относится также к забвению евреями коммунизма в той мере, в какой они принимали участие в этой аванюре.

Давайте теперь обратимся к памяти, гиперпамяти нацизма и прежде всего к еврейской памяти.

Для начала заметим, что евреи по определению не принимали никакого участия в нацистских преступлениях, хотя после эмансипации участвовали во всех, плохих или хороших, начинаниях человечества. Библейские пророки расценивали бы это как великую благодать, поскольку очевидно, что лучше предпочесть смерть подобному греху. Таким образом, в отличие от других народов, по отношению к этому преступлению евреи справедливо чувствуют себя невинными.

С другой стороны, громадное большинство евреев, и не только евреев, осознают непреодолимое различие между тем, что произошло с ними, и тем, что произошло с другими народами, также подвергшимися жесточайшему истреблению. Это осознание неискоренимо, но в то же время до конца не прояснено, а поэтому так и остается неразрешимым вопрос, поиски ответа на который проходили в трех направлениях.

Первое направление, которое рассматривают, например, Раймонд Арон или Ханна Арендт, предполагает невозмутимый взгляд и беспристрастное суждение по отношению к этим ужасам века — нацизму и коммунизму. Оно делает шаг в сторону ассимиляции. Однако еврейская принадлежность слишком ярко выражена, и ничто не может стереть этот отпечаток, даже если захотеть от него избавиться. Человечество делится на евреев и неевреев — и это непреложный факт.

Второе направление заключается в том, чтобы придать холокосту исключительность, отказав ему, под предлогом профанации, в любой попытке сравнения с другими историческими событиями. Однако определение этой исключительности не учитывает религиозный момент, а только материальные факторы: газовую камеру, индустрию смерти, проект уничтожения целого народа. Эти факторы в самом деле уникальны, но мы знаем, что всегда любое исто-

рическое событие, рассматриваемое само по себе, неповторимо.

В этой точке зрения есть один изъян: она дает ложное представление об иудаизме. Если следовать этой точке зрения, то получается, что согласно Библии и Талмуду одна жизнь не стоит другой жизни, а одно преступление не стоит другого. Можно ли поверить, что евреи включают в историческое сознание “конкуренцию жертв”, суд в двух измерениях? Можно ли представить, что на самом деле есть различие между сущностью евреев и сущностью других народов? Это не доказывает правильность выбора, который не является продуктом природы, но бесплатным и действительно уникальным продуктом Божественного единства, к чему всегда сводилось учение иудаизма.

Если во всех учениях присутствует стремление сконструировать еврея вне той связи, которую этот народ поддерживает с Богом Авраамом, то какой смысл неевреи могли бы дать холокосту, о котором те же учения говорят, что он не имеет никакого смысла? Внешне это было бы похоже на странную двойственность христианства, когда смерть невинных, вина за которую в какой-то степени лежит на всем человечестве, не является искуплением и успокоением. При таком подходе в сознании возникает разъедающая, безутешная боль за весь мир, потому что, по аналогии с Христом, весь мир становится виновным.

И третье направление в подходе к вопросу о холокосте определяет связь еврейского народа с Богом его отцов. Евреи знают, что они страдали за Бога, за честь Имени, и это определяет цену их избранности. Еврейский народ существует только как партнер в альянсе с Богом, который связал себя обещаниями. Однако основной груз Катастрофы приняла на себя именно та часть народа, которая страстно поверила этим обещаниям, — набожные общины центральной Европы, а спасены были самые неверующие из сионистов или самые неверные из коммунистов. Скандал получился грандиозный, тем более что догма первородного гре-

ха не признается иудаизмом. Религиозные споры вокруг иудаизма продолжаются, и стороны до сих пор не пришли к общему выводу. Но я думаю, что именно в этом, третьем, направлении удастся их разрешить.

В заключение поговорим о христианской памяти. Нацизм истребил большое количество христиан — только в одной Польше три миллиона, столько же, сколько евреев. В России эта цифра еще больше. Христианская память концентрировалась не на собственном преследовании, которому оно было подвергнуто, а на судьбе евреев и на ответственности церкви за то, что принято называть “высшим судом”.

Отвечая на подобные обвинения, католическая церковь приводит свои аргументы, и я считаю, что нужно внимательно их выслушать, без какой-либо предвзятости. Однако остаются непроясненными два момента. Прежде всего, стиль деятельности церкви в пользу евреев говорит о том, что она рассматривала их как жертвы, оказание помощи которым является человеческим долгом. Она не понимала, что, атакуя евреев, нацизм тем самым атаковал христианство в самой его сути. В отличие от Пия XII Иоанн-Павел II стал рассматривать евреев “как старших братьев по вере”.

И второй момент, который можно назвать ошибочным шагом, — это принятие всерьез схемы мира, предлагаемой нацистами. В документах папских посланников поражает тот факт, что реальность “расовой” проблемы и деление людей на “арийцев” и “неарийцев” рассматриваются как само собой разумеющиеся. Существует общее правило — когда находишься в тисках идеологического режима, первым шагом должно быть безоговорочное неприятие той реальности, которую предлагает данный режим. Один лишь шаг навстречу, хотя бы частичное согласие — и все потеряно. То же самое относится и к коммунистическому режиму: самой страшной ошибкой будет согласие с тем, что мир

делится на два общественных строя — социалистический и капиталистический. Нет капиталистического общества, есть современное общество, для которого определение “капиталистическое” является недостаточным. Никогда не существовало социалистического общества. На развалинах общества господствовал политический коммунистический режим. В христианском мире часто смешивали эти понятия.

С началом войны для католической церкви наступил период серьезного испытания. Основным этапом стал Ватикан II, во время правления Иоанна-Павла II также наблюдается большой прогресс. Было замечено, что из-за непроясненности вопроса о статусе евреев после прихода Мессии распространялась либо лживая, либо недостаточная информация, что и повлекло за собой столь ужасающие последствия. Поиски ответа на этот вопрос, возможностей для его разрешения продолжаются.

Подводя итог своим размышлениям, я все же хочу найти ответ на главный вопрос — существует ли исключительность холокоста? Или это просто исключительность еврейского народа, точнее аналогия между Страждущим служителем из книги Исайи, израильского персонажа, и крестом Христа, к которой часто обращаются христиане? Ничто не было так распространено в античности, как распятие. Ничто так сильно не распространено в XX веке, как массовое истребление народов. Но с точки зрения христианской веры избранность еврейского народа придает их мукам особое значение в истории спасения. Христиане обладают связным богословским учением, которое может быть понятым только внутри христианской веры, евреи его отвергают, а для неверующих оно не имеет никакого смысла. Поэтому проблема холокоста не может иметь универсального разрешения. Остается смириться с этой неразрешенностью и принять ее во имя мира на земле.

Alain BESANÇON

LE COMMUNISME,
LE NAZISME
ET LA QUESTION
DE LA SHOAH

MOSCOW 2001

A l'origine de ma réflexion est le scandale que j'éprouve avec beaucoup d'autres, devant la distorsion de la mémoire historique au XXème siècle. Ce contraste entre l'amnésie (et l'amnistie pratique) du communisme et l'hypermnésie du nazisme («hyper» non en ce sens qu'on s'en souvient trop, mais en ce qu'elle est en partie réactionnelle à l'amnésie du communisme) est à l'origine du discours prononcé en octobre 1997 à la rentrée solennelle de l'Institut de France, discours qui fut discuté ensuite dans la revue française «Commentaire», dans la revue juive américaine «Commentary», dans le journal russe «Russkaïa Mysl» et qui fut reproduit un peu partout.

Cependant, j'ai senti qu'il fallait reprendre le problème de plus haut et c'est pourquoi j'ai écrit un petit livre, qui a fait l'objet de discussions passionnées souvent, de discussions sereines parfois (notamment à la faculté de droit de Paris) et qui est ou va être traduit dans de nombreuses langues, dont le Russe et vous pourrez, si cela vous intéresse, le juger sur pièces.

Ma perspective - et c'est cela qui a fait un peu scandale - est résolument comparatiste. Mais nullement identificatrice. Ces «jumeaux hétérozygotes» que sont le communisme et le nazisme sont distincts, ont une histoire différente, ont été ennemis. Cependant, je les considère comme deux espèces à l'intérieur du même genre, le genre idéologique. J'entends par idéologie une doctrine qui promet, moyennant conversion, un salut temporel, qui se donne pour conforme à un ordre cosmique déchiffré scientifiquement dans son évolution et qui impose une pratique politique visant à transformer radicalement la société. Les deux mouvements veulent parvenir à une société parfaite en arrachant le principe malin qui fait obstacle. Ils se prétendent philanthropiques puisqu'ils veulent le bien de l'humanité entière, ou d'une partie sauvable de l'humanité et cet idéal a suscité des dévouements enthousiastes et des sacrifices héroïques. Enfin et surtout, ils se sont donné tous deux le droit et même le devoir de tuer et qu'ils l'ont fait tous deux avec des méthodes qui se ressemblent et à une échelle inconnue dans l'histoire.

Or, inévitablement, à un certain point de l'enquête on rencontre la question de la Shoah. Dans quelle mesure, dans l'immense tuerie du siècle, doit-elle être mise à part? Faut-il la ranger comme une tombe parmi les tombes dans le cimetière commun? Et sinon, pourquoi? A peine la question est-elle posée, que nous nous apercevons que nous avons changé de plan. Nous sortons de la simple analyse historique et politique et nous entrons dans la métaphysique ou plutôt dans le religieux. Le sujet suscite une révérence sacrée. Nous voici dans l'histoire de la religion, la juive d'abord et, par contre coup, la chrétienne.

Cette prise de conscience n'a pas été immédiate. Elle est liée à l'augmentation de ce qu'on pourrait appeler la «visibilité» du peuple juif. La judéité s'est toujours définie comme étant à la fois une religion, un peuple et une terre. La religion lui était à peu près reconnue, mais l'émancipation ne lui avait pas permis de former un peuple, car elle dissolvait le peuple dans le notion moderne de citoyenneté. Dans les cas de demi ou de non émancipation, le peuple juif devenait une ethnie indésirable dans la nation et en subissait le fardeau. Or en 1948, le peuple juif se manifestait à l'univers sous la forme moderne d'un État national, largement laïque et jouissant de l'indépendance totale qu'il avait perdue depuis la captivité de Babylone. Autre date importante: 1960, le procès Kichmann voulu retentissant et qui devint, en déterminant le contour de la Shoah, un événement central et à certains égards fondateur et base de légitimité.

La découverte progressive de l'ampleur des crimes communistes fut ce qui rendit inévitable la comparaison avec le nazisme. Ils avaient toujours été connus, mais ils ne furent officialisés quoique partiellement par Khrouchtchev en 1956 et c'est alors qu'il devint difficile de les nier. *L'Archipel du Goulag*, de Soljénitsyne, en 1974 eut un effet de bélier contre la poterne du mensonge. Ainsi, au milieu des années soixante, les deux horreurs du siècles, nazisme et communisme se trouvaient ensemble inculpés. Sous les mêmes chefs? C'est le point de la discussion qui va suivre.

Je ne me placerai que sous un seul angle, celui de la destruction. La destruction est physique. Des hommes vivants ont été transformés en cadavres. Elle est morale: des âmes honnêtes et raisonnables sont devenues criminelles, folles, stupides. Elle est politique: la société a été arrachée à sa forme naturelle et forcée dans le moule idéologique. Ensuite, je reprendrai l'enquête au point de vue de la philosophie et de la théologie. Enfin, je décrirai le travail de la mémoire et je conclurai en définissant le seul terrain sur lequel l'unicité de la Shoah prend un sens.

Sur la destruction physique je serai court parce que les faits sont connus et les morts à peu près (seulement à peu près) recensés.

Raul Hilberg est l'auteur d'une somme infiniment scrupuleuse et documentée intitulée: «la destruction des Juifs d'Europe». Elle s'est opérée, selon Hilberg en cinq étapes qui sont: l'expropriation, la concentration, les opérations mobiles de tuerie, la déportation, les centres de mise à mort. En suivant le même canevas, on constate que la destruction communiste connaît les quatre premiers moyens, quoique avec des variantes qui tiennent à sa nature et à son projet. Elle omit le cinquième, la mise à mort industrielle «sans aucune chance». Elle en a ajouté deux autres, dont le nazisme n'a pas eu besoin, l'exécution judiciaire et la famine.

L'expropriation est la première mesure du pouvoir communiste, selon sa définition même. Très vite, les gens ne gardent à peu près que leurs vêtements et leur mobilier. Il y eut toujours des «riches» en pays communistes, comme possesseurs «illégaux» ou comme privilégiés en vertu de leur position dans le système qui leur assurait des «avantages». Le droit étant lié à la propriété privée, il disparaît d'un seul coup.

La concentration, c'est-à-dire le repérage des ennemis, n'est pas la même. Le nazisme tenait les Juifs dans leur être physique comme des foyers individuels d'infection, à supprimer comme dans une opération de dératisation. Le communisme, lui, devait se charger d'une tâche plus vaste, parce que vague et sans contour

défini. Il devait détruire «l'ennemi du socialisme», «l'ennemi du peuple», et il pouvait se cacher même dans les classes élues (le prolétariat) même dans le parti. C'est pourquoi les organes de police sont bien plus développés et nombreux que dans le nazisme. Deux ans ont suffi pour exécuter les trois cinquièmes de la «solution finale». Mais de 1917 au dernier jour, les organes soviétiques durent trier, tenir des dossiers, filtrer et refiltrer toute la population.

Les opérations mobiles de tuerie (analogues à celles des fameux Einsatzgruppen nazis) ont été effectuées sporadiquement sur toute l'étendue de la domination communiste. Elles ont sévi à grande échelle dans les débuts de la révolution russe, à plusieurs reprises en Chine et de façon grandiose au Cambodge, dont les charniers sont en cours d'excavation.

La déportation en camp de travail a été inventée et systématisée par le régime communiste. Déportation et communisme sont consubstantiels. Le nazisme n'a fait que l'imiter. La gamme des camps, les variétés de la déportation sont beaucoup plus vastes dans le communisme que dans le nazisme. Dans certains camps, le climat et la longévité du système aidant, la mortalité touche parfois à l'extermination, dans certains camps de Kolyma, par exemple, mais sans qu'on rencontre l'extermination immédiate, à la façon de Treblinka. Ce qu'on sait des camps de Corée du Nord fait dresser les cheveux sur la tête. Ils sont actuellement en plein exercice.

Deux procédés de mise à mort sont plus spécifiquement communistes, l'exécution judiciaire et la famine.

Le nazisme ne pratiqua pas l'exécution judiciaire sur les Juifs, puisqu'ils n'appartenaient pas à l'espèce humaine. Il en usa sur les résistants et les opposants après un examen sommaire, mais réaliste des faits. Le communisme la pratiqua largement. Mais dans les périodes de grande terreur, les personnes arrêtées étaient totalement étrangères aux chefs d'accusation. D'où la peur torturante qui pesait sur l'ensemble de la population, même soumise, même sincèrement communiste. L'aveu, car il fallait

un aveu, était obtenu par divers moyens, dont le plus employé était la simple torture.

Quant à la famine, on peut distinguer la famine «systémique», simple conséquence de l'absurdité économique communiste et la famine «systématique» comme moyen volontaire d'extermination. C'est ainsi que l'Ukraine, pour ne prendre que cet exemple, connut à diverses reprises la famine «systémique» et, pendant les années 1932-1933, la famine «systématique» dont le but était d'en finir avec la nation ukrainienne. Consentie comme moyen, ou voulue pour but, la famine a été le procédé le plus meurtrier de la destruction communiste des hommes. Sur les quelque 90 millions de morts que le *Livre Noir du communisme* totalise, elle compte pour probablement plus de la moitié.

Encore deux remarques sur ce point: des juifs exterminés par le nazisme on connaît le nombre avec une précision constamment affinée par la recherche et la piété juive. Des hommes exterminés par le communisme, on ne connaît pas l'évaluation à des dizaines de millions près. Cela ne tient pas seulement à la piété ou à l'impiété de la mémoire, mais aussi à ce que les enquêtes sont encore impossibles ou du moins très difficiles sur la majorité du territoire anciennement communiste. C'est aussi à cause de la volonté générale d'amnésie et d'amnistie. Cela tient enfin à ce que le nazisme procède par catégories déterminées et successives et le communisme par décimations vagues, simultanées et aléatoires.

Le mode de mise à mort n'est pas un critère d'évaluation. Nul ne peut savoir ce qu'éprouvait un enfant en inhalant le gaz zykon B ou en mourant de faim dans une isba ukrainienne. Puisqu'on tuait des hommes en dehors de toute justice, il faut affirmer qu'ils ont tous péri horriblement parce qu'ils étaient innocents.

Autour de la destruction physique s'étend un domaine invisible où le dégât est probablement plus profond et sera plus long à réparer : la destruction des intelligences et des âmes.

On a fait la généalogie intellectuelle des deux formes idéologiques principales qui se sont emparées de l'humanité.

Le communisme se donnait pour l'héritier d'une tradition qui remontait à Démocrite, aux Lumières, à Hegel. Le nazisme se référait à la tragédie grecque, à Nietzsche, à un autre Hegel. L'un et l'autre se garantissait par Darwin. Il ne faut pas les croire. Quand on regarde le fonctionnement intellectuel réel des dirigeants communistes et nazis, on voit qu'il est dominé par un système d'interprétation du monde d'une extraordinaire indigence. Un combat dualiste est engagé entre des «classes» ou des «races» dont la définition n'a de sens que dans et par le système. Vu de l'extérieur, c'est un tissu d'inepties. On ne peut rester intelligent sous l'idéologie. Le nazisme a séduit quelques grands esprits, Heidegger, Carl Schmitt. Mais ils adhéraient pour des motifs nationalistes ou philosophiques étrangers à la doctrine. Le marxisme-léninisme n'a recruté que des esprits de second rang, ou bien s'ils y sont demeurés, ils ont vite perdu tout talent. L'investissement fanatique du militant dans le système, son retranchement du réel, sa capacité d'argumenter indéfiniment en cercle avec son interlocuteur, sa persuasion d'être rationnel, ont fait que des psychiatres ont rapproché son état du schizophrène et du paranoïaque. Mais cela reste métaphorique. Cette folie est en effet artificielle et réversible. On en sort d'un seul coup, comme d'un rêve. Mais quand le militant se réveille, la tête est vide, l'apprentissage de la vie et du savoir est à reprendre entièrement. L'Allemagne qui avait été l'Athènes de l'Europe s'est réveillée abruti par dix ans seulement de nazisme. Que dire de la Russie?

Cette ineptie contagieuse est le fond de tableau et la condition de la destruction morale. Le dérèglement de la conscience naturelle et commune n'est possible que si le rapport au réel ont été préalablement perturbés. Ce dérèglement, je l'appellerai la falsification du bien.

Il existe une falsification spécifiquement nazie du bien. Himmler a prononcé des discours secrets devant un public SS restreint. Ce sont des discours de bon chef. Il reconnaît qu'il est dur d'accomplir certaines tâches, comme de liquider les enfants juifs. Il faut pourtant les accomplir pour le bien du

Reich et même pour le bien de l'humanité, qui doit être débarrassée de la peste juive avant d'être débarrassée de la peste chrétienne. Il faut que la tâche soit effectuée calmement, vertueusement, sans débordement sadique inutile. La morale nazie commande de suivre l'ordre indiqué par la nature. Mais l'ordre naturel, celui de la hiérarchie des races n'est pas observé, il est tout entier déduit du savoir idéologique. Le pôle du bien est représenté par la race blonde, le pôle du mal par la race juive. Entre les deux, les slaves, etc. Cette éthique est une négation ouverte de la tradition morale de toute l'humanité. En fait, elle glisse vers l'esthétique. C'est le kitsch qui enivre, les mises en scène de Nuremberg, la splendeur de la force brute. Sa perversité est évidente. Elle n'est pas universalisable. Elle n'est pas contagieuse: les races dites inférieures ne peuvent la partager. Aussi, son programme, la destruction hiérarchique de l'humanité, fut un secret, l'un des mieux gardé du Reich. Peu d'hommes, en fin de compte, étaient initiés consciemment à la pratique de l'extermination. Le fait qu'une grande partie de l'Allemagne vivait encore dans une société et sous une morale naturelles, rendait plus difficile de croire à la réalité de ce qu'on lui cachait, à l'évidence des indices. Les Juifs eux mêmes, qui étaient passés par l'expropriation et la déportation, quand ils arrivaient devant les chambres à gaz n'y croyaient toujours pas.

Le nazi se pense artiste, le communiste, vertueux. L'impératif moral soutient toute la préhistoire et l'histoire du bolchevisme et sa victoire est toujours célébrée comme la victoire du bien. Le communisme aussi est un naturalisme, mais orienté vers l'avenir et non vers un ordre primitif. Il fait sien le grand thème des Lumières, le Progrès. C'est un progrès à la fois naturel et historique, mais dramatique, qui passe par des destructions inévitables. Nous reconnaissons des fragments de pantragisme hégélien et de darwinisme social dur. C'est un terrain d'entente secrète entre nazisme et communisme : «Quand le rabout passe, les copeaux volent», disait Staline. Au terme, le communisme rétablira le monde dans sa bonté et le nazisme dans sa beauté.

Ce rétablissement est suspendu à la volonté humaine éclairée par l'idéologie. Les hommes qui ont compris le sens de l'évolution se regroupent et forment le Parti. Est donc bon l'ensemble des moyens qui font advenir la fin que le révolutionnaire prévoit et comme le processus est naturel autant qu'historique, la destruction de l'ancien ordre est en soi une propitiation qui fait advenir le nouveau. C'est la formule de Bakounine: l'esprit de destruction est le même que l'esprit de création.

L'éthique communiste est donc aussi révolutionnaire que la morale nazie. Les *narodniki* russes en étaient bien conscients, comme Tchernychevski. Mais cette rupture morale n'est pas perçue par tous, ni à l'intérieur ni à l'extérieur du mouvement révolutionnaire. Celui-ci en effet se sert des mots de l'ancienne morale: justice, égalité, liberté, générosité, etc. Seulement, ces mots sont instrumentalisés en vue du but unique qui les contient tous et les réalise, le communisme. Sous l'angle de l'idée communiste, ces mots ne gardent plus avec les anciens qu'un rapport d'homonymie.

J'appelle morale naturelle ou commune celle à laquelle se réfèrent les sages de l'Antiquité, de la Chine, de toute la terre. Dans la Bible, cette morale est résumée dans la seconde table des commandements de Moïse. L'éthique communiste s'y oppose de front et très consciemment. Elle contrevient ouvertement aux commandements: tu honoreras ton père et ta mère, tu ne tueras pas, tu ne voleras pas, tu ne porteras pas de faux témoignages, tu ne convoiteras pas ce qui est à ton prochain. Il n'est nullement nécessaire de croire à la Bible pour accepter l'esprit de ces préceptes. La majorité des hommes estiment qu'ils correspondent à ce qu'ils connaissent des structures de l'univers. Mais le communisme conçoit un autre univers et y rapporte sa morale. C'est pourquoi il récuse le fondement, le monde naturel, au profit d'une surnature qui n'existe pas et d'une histoire sans vérité.

Au terme d'un admirable parallèle entre nazisme et communisme, mon maître Raymond Aron, tout à fait lucide sur le résultat de ces deux entreprises, maintient cependant qu'il

existe une différence d'intention. Elle est irréalisable, mais sublime dans le communisme, et démoniaque d'emblée dans le nazisme.

Je ne suis pas convaincu. Je ne peux décider ce qui est pire, détruire des pseudo-races ou des pseudo-classes. La falsification communiste du bien est plus profonde parce qu'en son sein le crime ressemble plus au bien que le crime nu du nazisme, ce qui permet au communisme de s'étendre plus largement et de toucher des coeurs sincères. Rendre mauvais des hommes bons est peut être plus démoniaque que de rendre pires des hommes déjà mauvais. En s'ajoutant au crime, le mensonge le rend plus tentant et plus dangereux.

Plus tentant parce que le communisme léniniste vole l'héritage d'un très ancien idéal, partagé par beaucoup de braves gens qui peuvent d'ailleurs le rester un certain temps après l'adhésion, dans un état de sursis de délabrement moral. Plus dangereux parce qu'il est imprévisible à ses futures victimes. Le nazisme désignait à l'avance ses ennemis. L'universalisme communiste fait qu'après la prise du pouvoir, la menace devient universelle: il n'est pas de catégorie de l'humanité qui ne puisse tomber sous la malédiction d'être un ennemi du peuple et un suppôt de l'esprit du capitalisme. Nul n'est à l'abri du soupçon. A mesure que l'utopie révèle son impuissance, le cercle de la malédiction peut s'étendre à toute la population, et au parti lui même. De plus, le communisme a eu le temps pour lui. A la différence du nazisme, il a entrepris tout ce suite la rééducation de ses sujets dans la nouvelle morale et dans la bonté du projet. En soixante-dix ans, les Russes y ont d'abord un peu cru, puis ils se sont soumis sans y croire, se contentant de parler la langue communiste et d'observer en eux mêmes les effets de cette schizophrénie obligatoire. Cette pédagogie mutilante, l'intériorisation obligatoire de l'idéologie, a été jugée par Soljénitsyne comme pire que les famines, pire que le Goulag. *L'homo soviéticus* se réveille plus abîmé que les Allemands au sortir du cauchemar nazi. De plus, le crime nazi est dénoncé dans son principe et, à cause de la confusion morale dont j'ai parlé, jamais l'entreprise

communiste dans son intention même. Si bien que chaque expérience communiste nouvelle, en Chine, au Viet Nam, à Cuba, est recommencée dans l'innocence.

Après la destruction de l'homme dans son corps, dans sa nature raisonnable et morale, il faut l'envisager dans sa nature politique, dans sa capacité de former des rapports organisés de façon à former une cité, un État.

Avant de prendre le pouvoir, le parti communiste et le parti nazi s'installent dans le jeu politique alors qu'eux mêmes, selon leur discipline interne, se sont mis hors jeu. Une fois au pouvoir, ils procèdent à la destruction du politique en faisant entrer tous les groupes sociaux naturels, classes, partis, églises, syndicats, universités, etc, dans les cadres artificiels préparés pour eux. Tout ce qui subsiste du jeu politique se trouve confiné dans le panier de crabes des organes dirigeants du Parti. Mais l'activité, même frénétique, du centre dirigeant ne peut être qualifiée de politique parce qu'elle est asservie à la réalisation d'une utopie. Entre le passé imaginaire que décrit la doctrine et l'avenir idéal, le temps présent est sans valeur. Le passé proche est l'ennemi, le présent n'existe pas, tout est soumis au futur eschatologique, aux fins dernières inatteignables. C'est pourquoi les buts du nazisme comme du communisme sont théoriquement illimités. Puisqu'il s'agit d'arracher le foyer du mal de la terre, il fallait progressivement éliminer tranche après tranche toute l'humanité, parce que même la race aryenne, même la race allemande se révèle métissée, bâtarde, enjuivée. Le but du communisme était mondial d'emblée. Mais comme l'esprit du capitalisme subsistait indéradicable, terreur après terreur, il ne restait plus à l'abri du soupçon et de la purge que le chef. Staline a détruit le parti dans les années trente, et Mao deux fois, lors du «grand bond en avant» et de la «révolution culturelle».

Toutefois, cette logique pure des deux systèmes qui devait conduire au néant, ne peut pas s'appliquer jusqu'au bout. Le principe du communisme est de tout subordonner à la prise et à la conservation du pouvoir. Mais pour conserver le pouvoir, il faut épargner ce qui est nécessaire à sa subsistance. Pour tenir

vis à vis du monde réel, il lui faut une force réelle et celle-ci ne peut être tirée que de la réalité qu'il contrôle. Il a besoin d'un minimum d'agriculture, de technologie, d'industrie, donc de producteurs, de techniciens, de savants. Il ne peut faire passer de l'autre côté du miroir tout ce qui est, sans être lui-même happé par le néant qu'il produit. Le système entre alors en décadence. La conservation du pouvoir finit par s'identifier avec la conservation des postes, des places, des avantages matériels qu'ils procurent. Le peuple se désintéresse d'un régime qui ne lui offre même plus la consolation de la chute des puissants et l'occasion de leur place à prendre. Quand une chiquenaude fait s'écrouler aléatoirement le château de cartes, on découvre le paysage post-communiste que vous connaissez. Il ne reste plus qu'un seul régime communiste pur qui préfère encore la logique d'autoanéantissement, celui de la Corée du Nord.

Et maintenant, si nous voulons faire droit à l'expérience des hommes, il faut changer de registre et parler en théologien. Nous y sommes obligés parce que la plupart des grands témoins du XXème siècle, devant l'excès d'iniquité ou d'absurdité, ont crié vers le ciel. Certains ont jugé qu'il était vide, d'autres qu'on pouvait le prier. Chez tous, on devine que les deux attitudes religieuses cohabitent ou alternent obscurément.

Ce qui causait le sentiment d'horreur, c'était moins le mal qu'une certaine volonté absurde du mal. Les hommes sont voleurs ou assassins parce qu'ils recherchent un bien. Mais ceux qui vivaient sous le communisme et le nazisme ne comprenaient pas quel bien recherchaient ceux qui les faisaient souffrir, mourir? Pourquoi dépenser de l'argent, mobiliser des hommes pour aller chercher dans un grenier une petite fille juive pour la tuer. Pourquoi, alors qu'il n'existe plus aucune opposition, arrêter des millions de gens, leur faire avouer des crimes inimaginables, rassembler le peuple pour lui faire jouer la comédie de l'indignation et le faire participer à la mise à mort? Mais ce qui semblait le plus incompréhensible, c'est que ces crimes ineptes étaient commis par des hommes ordinaires, normalement intelligents et même normalement moraux. Les victimes ne

pouvaient plus s'accrocher, pour comprendre, à la scélératesse dont l'homme est capable. Il fallait remonter plus haut, vers le système. Mais la rationalité même délirante du système était démentie par ces actions auto-destructives, allant contre l'intérêt du projet.

Les témoins et les victimes étaient suffoqués par le contraste entre la banalité des criminels et la grandeur du crime, entre l'impuissance du système à organiser les choses les plus humblement nécessaires à la vie et sa merveilleuse efficacité dans la destruction et le contrôle de tout et de tous. Qui a le pouvoir en régime nazi et communiste? Cette simple question à laquelle il était simple de répondre, puisque le Führer, le Secrétaire général et le Parti étaient partout visibles, semblait une profonde énigme pour ceux qui étaient capables d'une réflexion philosophique. Tous répondaient, croyants ou incroyants. Orwell, Rauschning, Jünger, Mandelstam, Akhmatova, Milosz, Herbert, Alexandre Wat: c'est le diable. Ce qu'ils entendaient par là, je ne le sais pas, peut être eux non plus. Mais ce serait être infidèle aux témoignages historiques et aux textes, que de ne pas citer ce personnage.

Rien ne marque mieux la trace biblique dans le communisme et le nazisme que leur commune volonté de «sauver» le monde, y compris en effaçant toute trace biblique. C'est un salut qui ne dépend pas de la grâce divine, mais de la volonté humaine. On pourrait parler d'un pélagianisme collectivisé et politisé. Les deux doctrines opposées, l'une optimiste, le communisme, l'autre pessimiste, le nazisme, partagent l'idée d'un salut collectif advenant dans l'histoire, idée biblique s'opposant à l'anhistorisme des philosophies antiques et à l'anhistorisme musulman. Dans le nationalisme allemand, l'exaltation de la nation et du peuple prend ou imite la forme de l'élection du peuple juif. C'est une élection qui ne doit rien à la providence, mais qui est un produit de la nature et de l'histoire et fait que le peuple allemand reçoit l'héritage panhumain transmis par la succession des peuples. C'est une vieille histoire, qui passe par Hegel et Harnack, qui descend dans les âmes basses et folles

des chefs nazis. La race germanique élue purifie la terre allemande comme Israël a purifié la terre de Canaan. C'est la première étape du salut. La seconde sera l'élimination du christianisme enjuivé qui porte au comble la lâcheté juive et l'abâtardissement démocratique.

Si le nazisme est une contre-façon de l'Ancien Testament, le communisme offre une contrefaçon à la fois de l'Ancien et du Nouveau. Il attire les Juifs, las du fardeau de la Thora, par l'espoir messianique d'une libération définitive, achevant l'émancipation et la sécularisation dont l'élan semblait alors irrésistible. Il attire les Chrétiens, en leur donnant à la place de la foi, bien ébranlée depuis les Lumières, une certitude «scientifique» et une occasion de fusionner avec le courant humanitaire et socialiste qui depuis un siècle prétendait faire mieux que le christianisme sur le chapitre de l'amour du prochain.

Cela ne va pas sans réveiller chez les Chrétiens de vieilles hérésies oubliées qui retrouvent, dans le nouveau contexte, une nouvelle jeunesse. Trois hérésies. C'est le gnosticisme, c'est à dire la vision centrale d'un monde polarisé entre un bien et un mal que discernent et séparent les initiés au vrai savoir, dont la tâche est désormais de faire entrer dans l'esprit des hommes la connaissance salvatrice. C'est le marcionisme, sous-espèce du gnosticisme, qui sépare le Dieu de l'Ancien Testament, Dieu créateur, justicier et méchant, et le Dieu de Jésus, Dieu salvateur, porteur d'une morale sublime d'amour pur, les Juifs devenant du coup la figure d'un monde révolu et mauvais. C'est le millénarisme, c'est-à-dire l'attente d'un changement radical à l'intérieur de l'histoire et la volonté politique de prendre en main cet avènement. Nazisme et communisme ne se contentent donc pas de persécuter la religion, ils la corrompent. Tous deux haïssent le Dieu d'Abraham, ils persécutent les Juifs d'abord et les Chrétiens ensuite, ou bien les Chrétiens d'abord et les Juifs ensuite, mais avec une cohérence théologique objective dont, subjectivement, ils ne pouvaient prendre conscience.

Je voudrais maintenant mettre en parallèle le travail de la mémoire sur le communisme et le nazisme en le regardant

principalement sous l'angle religieux. Je considérerai le paganisme, j'entends par là ce qui ne se rattache pas au tronc biblique, le judaïsme et le christianisme.

Le monde païen, par exemple chinois, considère la catastrophe communiste sous l'angle d'une sorte d'accident météorologique. L'ordre, l'harmonie cosmique a été violemment troublée et le chaos s'est momentanément installé. Il suffit que la situation s'améliore pour que le tissu social entre dans un processus de cicatrisation quasi biologique et que le dynamisme retrouvé de la vie rende superflu le travail de la mémoire. C'est donc l'oubli.

Le même oubli a gagné la masse des chrétiens, dont cependant l'apostasie avait causé la catastrophe. Cependant, il faut distinguer deux sortes d'oubli. Le premier, vertueux, s'enracine dans la foi. Les chrétiens sont instruits qu'ils sont pécheurs. Que le péché originel et personnel est présent dans la vie depuis le commencement et aujourd'hui. Qu'ils procèdent de la croix du Christ, c'est à dire d'une histoire où tous les hommes associés ont fait le maximum concevable du mal en mettant à mort l'Innocent, le Verbe de Dieu incarné lui-même. Que cependant, par cette même croix ils sont pardonnés, quoique sujets à pécher encore et toujours. Ce type chrétien de familiarité avec le mal et le bien fait qu'ils sont moins étonnés par l'un et par l'autre et qu'ils s'attendent toujours au péché et au pardon. En ce cas, l'oubli succède vertueusement au pardon.

Le second oubli n'est pas vertueux. En principe le pardon ne vaut que s'il est demandé à Dieu et à la victime, que si la faute est reconnue et la demande formulée. Si ces conditions ne sont pas remplies, le pardon unilatéral a des chances d'être nul et d'être une faute de plus. L'extraordinaire amnistie dont a bénéficié le crime communiste me paraît relever surtout de cette seconde sorte d'oubli. Il est un oubli de la justice et de ses propres complicités. Bien que le communisme ait fait plus de martyrs de la foi qu'en aucune époque, on ne constate pas de zèle pour en dresser le martyrologe.

Ce que je viens de dire vaut également pour l'oubli juif du communisme dans la mesure où ils ont assez largement participé à cette aventure.

Tournons-nous maintenant vers la mémoire, l'hypermémoire du nazisme, et d'abord vers la mémoire juive.

Remarquons d'abord que les Juifs qui ont depuis l'émancipation participé à toutes les entreprises, bonnes ou mauvaises de l'humanité, n'ont pas participé par définition à l'entreprise nazie. Les prophètes bibliques eussent estimé que c'était une grande grâce, car il faut certainement préférer la mort à un tel péché. Ainsi, parmi les nations, les Juifs se sentent, à l'égard de ce crime, et à juste titre, innocents et à part.

D'autre part c'est un fait que l'immense majorité des Juifs, mais pas seulement des Juifs, a conscience d'une différence irréductible entre ce qui leur est arrivé et ce qui est arrivé aux autres peuples, pourtant aussi atrocement massacrés. Conscience indéracinable, mais obscure, source d'une interrogation permanente sur laquelle il n'y a pas d'unité de réponse.

La réponse a été cherchée dans trois directions.

La première, celle empruntée par exemple par Raymond Aron ou Hannah Arendt, jette sur les deux horreurs du siècle un regard équanime et un jugement impartial. Elle fait donc un pas dans la direction assimilationniste. Mais s'il est un fait constant, c'est que l'identité juive subsiste et que rien n'efface cette marque, même les efforts de ceux qui l'ayant reçue, n'en veulent plus. Qu'on le veuille ou non, le genre humain continue de se diviser en Juifs et en Gentils.

Une seconde attitude consiste à installer la Shoah dans une unicité absolue en refusant comme une profanation tout essai de comparaison avec d'autres événements de l'histoire. Mais la définition de cette unicité ne tient pas compte de l'élément religieux, mais seulement des circonstances matérielles: la chambre à gaz, l'industrie de la mort, le projet d'anéantir tout un peuple par toute la terre. Ces circonstances sont en effet uniques, mais tout événement de l'histoire, considéré en lui-même, est unique et non répétable.

L'inconvénient de cette attitude est de donner une idée fautive du judaïsme, comme si, pour la Bible et le Talmud, une vie ne valait pas une vie, et un crime un crime. De faire croire que les Juifs introduisent dans la conscience historique une «concurrence des victimes», déjuger selon deux poids, deux mesures. De donner à croire qu'il existe naturellement une différence d'essence entre les Juifs et les autres. Cela méconnaît la vérité de l'élection qui n'est pas un fruit de la nature, mais le fruit gratuit et en effet unique de l'Alliance divine, ainsi que le judaïsme l'a toujours enseignée.

Si un courant d'idées veut construire l'être juif en dehors de la relation que ce peuple entretient avec le Dieu d'Abraham, quel sens le monde non juif pourrait-il donner à la Shoah, dont ce même courant affirme qu'elle n'a aucun sens? De l'extérieur cela ressemblerait à un étrange doublet du christianisme sans que la mort des innocents, dont toute l'humanité porte à quelque titre la faute, soit porteuse de rédemption et de réconciliation. Cette attitude conduit à installer dans la conscience une douleur rongeuse, inconsolable, vindicative devant le monde entier, puisque, toujours dans l'analogie du Christ, il est tout entier coupable.

Une troisième position est de s'interroger sur la Shoah en approfondissant le lien qui attache le peuple juif au Dieu de ses pères. Car il sait, au fond de lui-même qu'il a souffert pour la cause de Dieu, pour l'honneur du Nom: c'est le prix de l'élection. Le peuple juif n'existe que comme partenaire d'une Alliance avec un Dieu qui s'est engagé par des promesses. Or, c'est justement la portion du peuple qui croyait à ces promesses avec le plus de ferveur - les communautés pieuses d'Europe centrale - qui a subi le poids principal de la catastrophe, et c'est la portion incrédule du Sionisme, ou la portion infidèle du communisme qui a été la plus sauvée. Le scandale est immense et d'autant plus que le dogme du péché originel n'est pas reçu dans le judaïsme. L'interrogation religieuse du judaïsme n'est pas finie et elle n'est pas parvenue à des solutions communes. Mais je crois que c'est dans cette troisième direction qu'elle pourra les trouver.

Voyons enfin la mémoire chrétienne. Le nazisme a massacré beaucoup de chrétiens. Rien qu'en Pologne trois millions, autant que de Juifs. En Russie, bien davantage. Mais c'est un fait que la mémoire chrétienne ne s'est pas concentrée sur la persécution qui la visait, mais très spécifiquement sur le sort des Juifs et sur la responsabilité de l'Église dans ce qu'on appelle la «solution finale».

Vivement attaquée sur ce point, l'Église catholique a fait valoir ses arguments et j'estime qu'il faut écouter son plaidoyer avec attention et sans malveillance à priori. Deux points cependant demeurent irrésolus. D'abord l'action considérable de l'Église en faveur des Juifs montrait par son style qu'elle les regardait comme des victimes auxquelles elle devait porter secours en vertu d'un devoir général d'humanité. Elle n'a pas considéré que le nazisme en attaquant les Juifs attaquait de ce fait le christianisme dans sa racine toujours vivante. Pie XII ne les tenait pas, comme put le faire plus tard Jean Paul II pour des «frères aînés dans la foi».

Le second faux pas est d'avoir quelque fois pris au sérieux le tableau du monde imposé par les nazis. Dans les documents des nonciatures, on est frappé de voir qu'on considère comme allant de soi la réalité du problème «racial» et la distinction entre les «aryens» et les «non-aryens». C'est une règle générale: quand on est aux prises avec un régime idéologique, la première chose à faire est de refuser sans discussion la description de la réalité qu'il propose. Si on met un doigt dans l'engrenage, si on accorde une «part de vrai», on est perdu. Cela vaut aussi pour la relation au régime communiste: la pire erreur est d'accepter que le monde se divise entre deux types de sociétés, socialiste et capitaliste. Il n'y a pas de société capitaliste, il y a la société moderne que la notion de capitalisme ne suffit pas à envelopper. Il n'y a jamais eu de société socialiste. Il y a eu un régime politique communiste dominant sur des débris de société. Dans le monde chrétien, on a souvent fait la confusion.

Cependant, depuis la guerre, un immense examen de conscience s'est mis en branle dans l'Église catholique. La

principale étape a été Vatican II, et le progrès fait sous le pontificat de Jean Paul II a été énorme. On a découvert que dans la pénombre où avait été maintenue la question du statut des Juifs après la venue du Messie, avaient proliférés des enseignements tantôt faux, tantôt insuffisants, dont on constatait les effrayantes conséquences. La révision est en cours et elle n'est pas finie.

Où situer, au terme de cette réflexion, l'unicité de la Shoah. Tout simplement dans l'unicité du peuple juif. Et plus précisément dans l'analogie que maintenant les chrétiens font couramment, entre le Serviteur souffrant du livre d'Isaïe - figure d'Israël - et la croix du Christ. Rien n'était aussi banal et répandu dans l'Antiquité que le supplice de la croix. Rien n'est aussi répandu dans ce siècle que le massacre des peuples. Mais aux yeux de la foi chrétienne, l'élection du peuple juif et l'élection du Messie donne à leur supplice une valeur unique dans l'histoire du salut. Les Chrétiens disposent donc d'un schéma théologique cohérent, mais qui ne peut être compris qu'à l'intérieur de la foi chrétienne. Les Juifs le récusent, et pour les incroyants il n'a aucun sens. C'est pourquoi le problème de la Shoah ne peut trouver de solution universellement reçue. Reste à comprendre cette irrésolution et à l'accepter pour la paix du monde.

Ален Безансон

Коммунизм, нацизм, холокост

Оформление художника В. Суркова

Редактор О. Панкова

Корректор М. Побережнюк

Лицензия ИД № 05992, выд. 05.10.01.
Налоговая льгота--
Общероссийский
классификатор
продукции ОК-005-93, том 2;
953000 – книги, брошюры.

Усл. печ. л. 1,0. Уч. изд. л. 1,3.
Тираж 600 экз. Заказ **158**

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125267 Москва, Миусская пл., 6

